

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.013
УДК 811.161.1'373.23 + 811.161.1'28

Л. А. Феоктистова
Уральский федеральный университет,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет
Екатеринбург, Россия

АНТРОПОНИМЫ В АПЕЛЛЯТИВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ ХМЕЛЬНЫХ НАПИТКОВ (*ерофеич, ероха, ивашко, иванушко* и др.)*

В публикации рассматриваются две группы апеллятивных обозначений крепких напитков, которые так или иначе соотносятся с личными именами *Ерофей* (*ерофей, ерофеич* и др. ‘горькая спиртовая настойка на травах’) и *Иван* (*ивашко, иванушко* и под. ‘пиво второго слива’). Данные лексемы могут быть производны как непосредственно от антропонимов, так и от восходящих к ним апеллятивов или хрононимов. Автор критически осмысляет и дополняет существующие этимологии. Для лексемы *ерофеич* основных версий происхождения две: по имени создателя (*Ерофей* или *Ерофеич*) или по входящему в состав напитка сырью (диал. *ерофей* ‘травянистое растение зверобой продырявленный’), — при этом обе уязвимы в словообразовательном отношении. Аргументы же в пользу иной версии происхождения — от хрононима *Ерофеев день*, — по мнению автора, несостоятельны как в языковом, так и в бытийном аспектах. Для диал. *ероха* ‘настойка на травах, «ерофеич»’, ‘пиво’ допускается связь с другим апеллятивным дериватом личного имени — *ероха* ‘задира, смутьян, скандалист’, возможно, не без влияния общенар. *ерофеич*. Для *ивашко, иванушко* и под. также предпочтительнее производность не от хрононима *Иванов день*, а от антропонима под влиянием паронимической аттракции (*пиво* — *иванец (иванушка,*

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»). Автор благодарен В. Б. Колосовой (Санкт-Петербург) и К. В. Осиповой (Екатеринбург) за помощь в подготовке этой статьи.

© Феоктистова Л. А., 2017

ивашка), *бражка* — *ивашка*) и присущих имени коннотаций (см., например, *иванушка* ‘любой человек (мужчина)’, *иванушка-дурачок*). В конце статьи высказываются некоторые общие замечания о возможных причинах обращения при номинации хмельных напитков к антропонимическому (и шире — антропологическому) коду.

Ключевые слова: русские народные говоры, антропонимы, личное имя, апеллятивизация имени собственного, деантропонимы, отантропонимическая модель номинации, мотивационный анализ.

1. *Ерофеич, ерофей, ероха, ерошка*

Ерофеич как название одной из разновидностей горькой настойки на травах известно со 2-й половины XVIII в. (и первоначально писалось с заглавной буквы). См., например: «<Лекарь Василий Ерофеич> оставил по себе ту славу, что и поныне все государство пьет травник, составленный его травами и называемый “Ерофеичем”»¹ (Болотов А. Т. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков», 1738–1795) [СРЯ XVIII, 7, 80]. В XIX в. наряду с этим названием были употребительны также *ерофей* и *ерошка*: «Прощайте, звонкие стаканы, / И пунш, и мощный *ерофей*» (Полежаев А. И. «Сашка», 1825); «Старичок этот, занимательный только тем, что <...> может выпивать полштофа “*ерошки*” (как он выражается) не переводя духу» (Селиванов И. В. «Провинциальные воспоминания: Из записок чудака», 1857) [цит. по: Багриновский, 2008, 550]. В словаре В. И. Даля также находим без указ. м. *ерофеич* и *ерошка* ‘горькое вино, настойка, водка, настоянная травами’ [Даль, 1, 521]. Омонимичные диминутивным формам имени обозначения хмельных напитков фиксируются в русских говорах: влад. *ероха* ‘настойка на травах, «ерофеич»’, яросл. ‘пиво’ [СРНГ, 9, 33; ЯОС, 4, 37]; влад., моск., нижегор., самар. *ерошка* ‘настойка на травах, «ерофеич»’ [СРНГ, 9, 34].

Вопрос о происхождении лексемы *ерофеич* обсуждался не раз; помимо статей на *ерофеич* в этимологических словарях русского языка [см.: Преображенский, 1, 217; со ссылкой на него: Фасмер, 2, 26], есть ряд работ, где этот вопрос рассматривается более подробно [см.: Долгушев, 2002; Рябушкина, 2003; Некрылова, 2004; 2007, 511–513]. Основных версий две, и обе приводятся в указанных словарях: непосредственно от антропонима — личного имени *Ерофей* или отчества *Ерофеевич* (разг. *Ерофеич*) создателя напитка или по названию травы, входившей в состав настойки.

В качестве создателя напитка чаще называется фельдшер Кадетского корпуса В. Е. Воронов (его еще именуют цирюльником, а местом его службы считают Академию художеств) [Демиденко, 2011–2012]. В словарях А. Преображенского и М. Фасмера упоминается также московский виноторговец Василий *Ерофеич*,

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. Ф.

а время изобретения им напитка относят к началу XIX в., но это противоречит свидетельству А. Т. Болотова (см. выше). Оснований не доверять ему нет. обстоятельную справку об этом авторе и, вслед за ним, подробный рассказ о «лекаре Ерофеевиче» дает С. В. Рябушкина [2003, 108–109]. Есть и другие свидетельства. Ср.: «*Ерофеич* сделался известным во второй половине XVIII в. Он вошел в употребление с 1768 г., но прежде всего в Петербурге. Граф А. Г. Орлов был болен, врачи истощили все знания для его излечения. Тогда славился своим искусством цирюльник *Ерофей*. Граф прибегнул к его помощи. Посредством настоянной травами водки, которая проименовалась впоследствии *ерофеичем*, он совершенно воспользовал его, за что от него и от Императрицы получил великое награждение. Ерофей не имел никогда познаний во врачевании, но он знал свойства трав, коим изучился, находясь еще в Китае, у тамошнего врача» (Терещенко А. «Быт русского народа», 1848) [цит. по: Багриновский, 2008, 547].

Согласно второй версии, *ерофеич* может быть произведен от *ерофей* ‘*hypericum perforatum*’ (зверобой продырявленный) [Преображенский, 1, 217; со ссылкой на него: Фасмер, 2, 26]. У Даля этот фитоним упоминается в другом значении — ‘растение черный коровяк, *Verbascum nigrum*’ без указ. м. [Даль, 2, 521]; это же значение с пометой «тверское» приводится в [СРНГ, 9, 32–33]. См. также: вят., твер. *ерофей* ‘травянистое растение зверобой продырявленный (*Hypericum perforatum* L.)’, ‘травянистое растение зверобой четырехгранный (*Hypericum quadrangulum* L.)’ [Там же].

В обеих версиях «камнем преткновения» служит словообразовательная модель и/или ее составляющие:

— почему от фитонима образуется форма *ерофеич*, а, к примеру, не *ерофей* или *ерофеевка* (ср. *анисовка*, *рябиновка* и мн. др.)? Каково происхождение самого фитонима: не образован ли он путем «обратной» деривации от *ерофеич* (такого мнения придерживается С. В. Рябушкина [2003, 109, 112])? Эти же вопросы встают и при рассмотрении в качестве производящей основы имени *Ерофей*, фигурирующего в более позднем (и, возможно, менее надежном) свидетельстве А. Терещенко (см. выше);

— могло ли стать производящей основой отчество, если оно в конце XVIII в. не было характерно для простых людей? См. полемику В. Г. Долгушева [2002, 106] и С. В. Рябушкиной [2003, 109] на страницах «Русской речи» о возможности именовании по отчеству «лекаря Ерофеевича», человека низкого происхождения, бывшего рекрута. Чин титулярного советника, в который он был произведен после исцеления графа Орлова, такого права тем не менее не давал. Однако ср. у того же А. Т. Болотова — «господин Ерофеич»; можно согласиться с С. В. Рябушкиной, считающей, что в подобном именовании проявилось уважительное отношение к «чудо-лекару».

Еще одну версию происхождения *ерофеич* — от хрононима *Ерофеев день* — предлагает А. Ф. Некрылова [2004; 2007, 511–513; со ссылкой на нее: РНК,

149]. Согласно народным поверьям, день св. Ерофея (4/17 октября) — последний день разгула леших, известных своим пристрастием к выпивке. В качестве доказательства такой связи автор приводит следующие аргументы:

— совместное упоминание названия хмельного напитка и хрононима в поговорке: «На *Ерофея* один *ерофеич* кровь греет» (ссылка на источник отсутствует);

— возможная их омонимичность: «*Ерофеич* часом дружок, а часом вражок» [Даль, 1, 522]; эта поговорка, по мнению А. Ф. Некрыловой, в равной степени относится и к напитку, и к осенней погоде на Ерофеев день;

— вхождение обоих названий в одно морфо-семантическое поле со словами *ёрник*, *ёрничать*, *ерепенить(ся)*, *ероха*, *ероховатый*, *ерошить*, *ерошничать*, *ерофейничать*, *ерофениться* и др., которые вполне «подходят» к описанию лешего. «Если выделить ключевые понятия, стоящие за этими словами, то получится, что они обозначают или связываются с представлениями о лохматости, нерасчесанности; беспорядке во внешнем виде; шуме; ярости; дурном, буйном поведении. <...> Все эти признаки проецируются на Ерофеев день — “законный”, “урочный” день активности леших, вполне согласуясь со значениями слов, включенных по звуковому притяжению в “ерофееву” орбиту» [Некрылова, 2007, 512]. В приведенном выше лексическом ряду А. Ф. Некрылова указывает сев.-рус. *ероха* как одно из обозначений черта, нечистого духа [со ссылкой на: Черепанова, 1983, 42, 57].

Сама постановка вопроса о возможной «календарной» мотивации для наименования хмельного напитка (причем не только и даже не столько для *ерофеич*, сколько для *ерофей*, *ероха* и *ерошка*), конечно, правомерна. И в подтверждение этому найдется немало примеров². Однако с доводами А. Ф. Некрыловой можно согласиться лишь отчасти, а кроме того, с точки зрения словообразования к этой версии возникают те же вопросы, что и к другим.

Упоминание хмельного напитка в связи с Ерофеевым днем в поговорке «На Ерофея один ерофеич кровь греет» может быть обусловлено языковой игрой. Двоякое толкование другой поговорки — «Ерофеич часом дружок, а часом вражок» — и основанный на нем вывод об омонимии названий (и, соответственно,

---

² Так, арх. *егорова уха* ‘уха, сваренная из рыбы разных видов’, ‘пустой суп’ соотносится с *Егорьевым днем*, на который в Архангельской области приходился ход (и, соответственно, лов) самой разной рыбы, ср. арх. *егорьевская селёдка (сельдь)*, *егорьевская щучка* [см.: Березович, Осипова, 2014, 230]. Осмыслению ухи, сваренной пусть и из разных видов рыбы, как супа «пустого» (постного) способствовало, по мнению авторов, два обстоятельства: во-первых, «рыба, которая ловилась в канун Егорьева дня, еще не “нагулялась” после зимы, — и поэтому уха из такой рыбы вряд ли могла быть очень жирной и наваристой»; во-вторых, «восприятие апреля и начала мая как времени голодного (кончались зимние припасы и проходил Великий пост) закреплено в народной хрононимии, ср. вят., сев.-рус. *Марья-Пустые щи* ‘1/14 апреля, день преподобной Марии Египетской’» [Там же]. См. также костр. *роман-голожонец* ‘пустой суп; кушанье из картофеля с луком, сваренных в соленой воде’, происхождение которого может быть связано с днем Романа и Давида 2/15 мая, когда отмечалось перенесение мощей благоверных князей Российских Бориса и Глеба, во святом крещении Романа и Давида [Осипова, 2017, 131].

производности одного от другого) вызывают сомнения. Хрононим в результате «обратной» деривации, как правило, замещается личным именем, а не производным от этого имени отчеством. См. в той же поговорке: «На Ерофея один ерофеич кровь греет»; такая форма хрононима — *Ерофей* — фиксируется и вне паремий [см.: РНК, 149].

С хрононимом *Ерофеев день* косвенно могут быть связаны глаголы *ерофейничать*, *ерошничать* ‘пьянствовать’ без указ. м. [Даль, 1, 522], которые производны от *ерофеич* и *ероха* (*ерошка*) соответственно (ср. *чай* > *чаевничать*, *кофе* > *кофейничать*) и которые А. Ф. Некрылова помещает в одно с ними морфо-семантическое поле. В близких значениях И. В. Родионова приводит сев. *заниколить*, ворон. *заниколиться* ‘начать праздновать, пить, как пьют в Николин день, запьянствовать’ [СРНГ, 10, 279] (ср. карел. рус. *помиколить* ‘отпраздновать день св. Микола’ [СРГК, 5, 72]) [см.: Родионова, 2004, 65]. Среди этих и других представленных ею примеров глагольной деривации на основе хрононимов только приставочные образования, которые возникли непосредственно от хрононимов и сохраняют привязку к ним в своих значениях, однако сама модель, наверное, могла обеспечить *ерофейничать*, *ерошничать* дополнительную смысловую поддержку.

Согласно указу Екатерины II, заниматься винокурением могли только дворяне, и хотя запрет не распространялся на травяные настойки, каким являлся ерофеич, все же крестьяне вряд ли могли сами его изготавливать за неимением необходимых для этого ингредиентов (например, сушеных померанцев). А это значит, что маловероятна связь хмельного напитка и его названия с народным календарем и представлениями о «загулявшей» на Ерофеев день нечисти. Сближение с *Ерофеевым днем* могло произойти тогда, когда стали продавать готовую смесь для настаивания ерофеича (с 1820–1830-х гг.) или когда он начал выпускаться промышленно (со 2-й четверти XIX в.) и вошел в ассортимент кабаков и трактиров (о сырьевых компонентах, технологии изготовления и промышленном выпуске настойки см. [Багриновский, 2008, 547–548]).

Вместе с тем для фиксируемых в народных говорах влад. *ероха* ‘настойка на травах, «ерофеич»’, яросл. ‘пиво’ [СРНГ, 9, 33; ЯОС, 4, 37], влад., моск., нижегор., самар. *ерошка* ‘настойка на травах, «ерофеич»’ [СРНГ, 9, 34] можно, на наш взгляд, предложить и иное истолкование — как и в рамках фитонимической версии, по связи с подвергшимся апеллятивизации личным именем, но обозначением не травы, а человека. См. влг., арх. *ероха*, арх. *ероша* ‘задира, смутьян, скандалист’ [СРНГ, 9, 33; СГРС, 3, 328]: «Ёра — это очень задиристый человек, уж очень, сразу в драку вроде лезет, *ерошливый*, *ероша*, кто задира, кто *ероха* назовёт, тоже *ерошистый* такой человек, ему всё не нравится» (арх.) [КСГРС]; «О, *ероха* ты, мы с тобой заскандалили, пьяницы между собой *заерошились*, смотришь — до драки дошло» (арх.) [СГРС, 3, 328]. Согласно М. Фасмеру, *ероха* ‘упрямец, склочник’ скорее всего образовано с уничижительным суффиксом *-оха* от *еропа* ‘хвостун’, для которого более вероятной

признается связь с *Ерона* (от *Ерофей*) [Фасмер, 2, 26]. Ареалы приведенных диалектизмов частично совпадают, поэтому допустимо предполагать производность обозначений хмельных напитков от номинации — характеристики человека: настойка на травах и пиво могли быть названы так из-за своего опьяняющего действия или вкусовых качеств (ср. общеарг. *ёри* как название алкогольного коктейля, как правило, смеси пива и водки). Хотя, конечно, для них не исключено влияние общенар. *ерофейич*, что нашло отражение и в толковании лексем (какая подразумевается настойка и на каких травах, понять невозможно, поэтому называть ее *ерофейичем* не совсем правильно).

2. *Ивашко (ивашка), иванушко, иванёц*

Данные лексемы обозначают совсем иной, чем *ерофейич*, напиток, который был распространен как раз в народной культуре и который, в частности, готовился ко многим семейным и церковным праздникам. См.: ряз. *иванёц* ‘пиво особого изготовления, бражка’ [СРНГ, 12, 55], влг. *ивашко-другón* ‘пиво, спущенное во второй раз, оно жиже и горчее (вообще хуже) первого’ [Там же, 57]³, влг. *ивашко, иванушко* ‘последнее и самое плохое, жидкое пиво’ [Дилакторский, 2006, 175], без указ. м. *ивашка* ‘бражка или пиво домашнего приготовления низкого качества’, сарат. ‘бражка, сильно разбавленная водой; ее подносят в дырявом стакане отцу и матери утратившей до свадьбы невинность дочери’ [СРНГ, 12, 57]. В отношении них, как и в случае с *ерофейичем*, *a priori* можно предполагать производность либо от антропонима (его апеллятивного деривата), либо от хрононима.

Среди хрононимов, как известно, «Иванов» много. См. приказ. *Иванов день* ‘каждый из дней св. Иоанна’: «Их Ивановых дней много в году. “Анн да Иванов как грибов поганых”, — говорят»; «Ивановы дни бывают шесть раз в году. Бывает зимой, Ивана-Крестителя называется. Летом Иванов день, Купальница называют, тогда отмечали, больше остальные не признают» [РНК, 177]. Однако внимания заслуживают только два, которые как раз и упоминаются в последнем контексте-иллюстрации. Это, во-первых, *Иван* «зимний» — ‘Собор Иоанна Крестителя, 7/20 января’, одно из названий которого — *Иван-Бражник* (без указ. м.) — прямо указывает на связь с соответствующим хмельным напитком [Там же, 168]. Во-вторых, *Иван* «летний» — ‘Рождество Иоанна Крестителя, 24 июня / 7 июля’, отмеченное, с одной стороны, народными гуляньями и застольем (см., в частности, костр. *ивановские святки*, курск. *ивáшенки* ‘молодежное гулянье около 24 июня / 7 июля’, новг., яросл. *ивановщина* ‘праздничная трапеза 24 июня / 7 июля’, петерб., пск. *в иванцину пойти* ‘праздновать Рождество

³ Ср. влг. *другán* ‘пиво, приготовленное второй раз на том же сусле’ [СВГ, 2, 59; СГРС, 3, 274–275].

Иоанна Крестителя' [Там же, 167, 180, 182]), а с другой — разгулом нечистой силы (карел. рус. «На Ивана Купала всяка разна нечисть разгуляет» [Там же, 171]; см. также другие названия этой календарной даты: нижегор. и др. *Ярила (-о, -ы), Ярилин (-ов) день, Ярилки* [РНК, 501]).

Но версия отхронимического происхождения уязвима, поскольку не объясняет содержащегося в наименованиях хмельных напитков указания на их низкое качество. Обратимся ко второй гипотезе.

К. В. Осипова (Пьянкова), упоминая влг. *ивашко(-другón)*, *иванушко* в одном ряду с лексемами *ерофеич* и *ероха*, обращает внимание на употребительность не только личных мужских имен, но и апеллятивных обозначений лиц мужского пола для номинации алкогольных напитков в зависимости от степени их крепости и гендерных предпочтений [Пьянкова, 2008, 98–101, 118–119]. См., в частности, приводимые ею языковые (помимо этнографических) данные, в которых находит отражение оппозиция «мужское — женское»: арх. *мужское пиво* 'сильно перебродившее пиво большой крепости' [СРНГ, 18, 335], арх. *женское пиво* 'сладкое пиво, выдержанное в течение одних суток' [СРНГ, 27, 18], *бабье пиво* арх. 'сладковатое пиво домашнего приготовления' [АОС, 1, 78], влг. 'некрепкое пиво': «В бабьем пиве всего несколько градусов, а у бабы глаза на лоб» [Там же; СГРС, 1, 32], влг. *бабонька* 'пиво, разведенное водой': «Всего-то бабоньки напиуся; бабонька — коуды пиво женили, вот и бабонька стала» [СГРС, 1, 32].

Однако, на наш взгляд, вряд ли отантропонимические наименования хмельных напитков вписываются в данную оппозицию: во-первых, этому противоречит обозначение слабого пива, пива низкого качества, мужским именем (см. выше *ивашко-другón* и под.); во-вторых, выбор имени может быть обусловлен формально-языковыми причинами⁴. В другой своей работе К. В. Осипова указывает на то, что толчком к появлению номинаций типа *ивашко-другón* могла стать рифма *бражка — ивашка*: «бражкой зачастую и называли хмельной напиток низкого качества, в том числе и жидкое пиво» [Осипова, в печати] (наверное, не исключена и аттракция: *пиво — иванец, иванушка, ивашка*).

К. В. Осипова объясняет происхождение приведенных выше вологодских наименований пива, спущенного во второй или третий раз, также прагматикой имени. «Образованные от разговорно-уменьшительных форм самого распространенного мужского имени *Иван*, эти обозначения говорят о простоте, незатейливости, низкой ценности напитка» [Осипова, в печати]. Автор, кроме того, допускает возможность переноса названия с потенциального потребителя напитка на сам напиток, учитывая контекст: «Жидкое пиво, согласно народному толкованию, сгодится для всякого гостя, для всякого Ивана: “Нальем

⁴ Ср. также явно вторичного происхождения костр. *аннушка* «отходы при приготовлении браги — гуща без градусов»: «Одна аннушка осталась» [ЛКТЭ] (к сожалению, единичная фиксация; очевидно, имеется в виду осадок, оставшийся после сцеживания перебродившего пива).

на горшки-то в третий раз, да и сделаем для всякого приходящего Иванушка»» [Там же]. Ср. вят. *иван* 'именование ребенка мужского пола до крещения' [ОСВГ, 4, 211] и др.⁵ Однако приведенное высказывание не обязательно содержит истинную этимологию созвучного имени названия хмельного напитка.

В дополнение к сказанному, думается, будет уместным вспомнить бытовавшее в окружении Петра I одноименное эвфемистическое обозначение крепкого напитка — *Ивашка Хмельницкий*, которое в речи могло редуцироваться до одного личного имени⁶. В данном случае выбор имени также обусловлен его распространенностью и стилистической окраской.

В семантике же диалектизмов, как говорилось выше, заслуживает внимания именно указание на низкое качество хмельного напитка — возможно, ведущую роль при их создании сыграли отрицательные коннотации имени, обнаруживаемые в семантике тех его апеллятивных дериватов, которые обозначают носителей различных негативно оцениваемых качеств характера:

— глупости: простореч. или фольк. *как иванушка-дурачок* 'о глуповатом и беззаботном с виду, простодушном, наивно честном человеке' [БСРС, 229], пск. *ходить как ваня-дураня* 'о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке' [СППП, 89], арх. *ванька* 'о глупом человеке' [Качинская, 2005, 85] и т. п.;

— склонности к обману, хвастовству: печор. *ванька сельский* 'хвастун' [ФСГНП, 1, 120], смол. *заиванивать* 'сочинять, врать' [ССГ, 4, 68];

— лени / праздности: *лежать как Иванушка на печи* 'о ленивом, празднично лежащем в тепле и сытости человеке' [БСРС, 229], перм. *Ванька Ветров* 'праздношатающийся человек, бездельник': «Собрались в бригаде как Ванька Ветров, сядня на работе, завтра нет» [ФСПГ; СПГ, 1, 77] и под.;

— медлительности: перм. *ваня задний* 'медлительный, отстающий человек': «Вот Ваня-то задний! Как ни гляну на тебя, всё сзади плетешься» [СПГ, 1, 77];

— неряшливости: костр. *как ваня* 'о небрежно одетом человеке' [БСРС, 82], арх. *как ванька из-под лодки* 'о плохо (неопрятно, неаккуратно) одетом человеке' [КСГРС] и др.⁷

В данном случае можно предполагать влияние общего негативного коннотативного фона имени — ср. такие экспрессивные номинации пива второго и третьего слива, как влг. *коневья ссячь*, арх. *кониный ссеу*: «Раньше пиво было слатимое, забористое, вкусное, а теперь коневью ссячь покупают» [СГРС, 5, 300].

⁵ Об апеллятивных дериватах имени с подобным значением см. [Феоктистова, 2016, 94–95].

⁶ См., например, в ответе князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского на письмо Петра: «В твоём же письме написано ко мне, будто я знаю с *Ивашкой Хмельницким*; и то, господине, неправда... Неколи мне с *Ивашкой* знатца, всегда в кровях омываемся; ваше то дело на досуге стало знакомство держать с *Ивашкой*, а нам недосуг» [<http://www.nkj.ru/archive/articles/10415/>; <http://www.ruthenia.ru/document/537493.html>].

⁷ Подробнее о коннотативном фоне имени см. [Спиридонов, Феоктистова, 2016; Феоктистова, 2016].

С другой стороны, мотивами номинации могли стать и отдельные коннотации имени, например «глупость» — в силу своей каритивной составляющей (ср. арх., костр. *пустое* 'о пиве, разведенном водой' [КСГРС; ЛКТЭ]) или же благодаря одурманивающему действию хмельного напитка.

Еще одна коннотация, которая могла быть положена в основу номинации, — «склонность к обману». При оценке пива второго слива как не настоящего она находит отражение в обряде угощения таким напитком родителей «нечестной» («ненастоящей») невесты. См. сарат. *ивашка, ивашко-другón* 'бражка, сильно разбавленная водой, ее подносят в дырявом стакане отцу и матери утратившей до свадьбы невинность дочери' [СРНГ, 12, 55]. В качестве репрезентантов метафорической модели «болтун, обманщик → жидкое пиво» К. В. Осипова [*в печати*] приводит арх. *свистуна принесли* 'о пиве третьего слива' [КСГРС] при *свистун* арх. 'врун', новг. 'жулик', свердл. 'болтун, обманщик' [СРНГ, 36, 301]; костр. *процельга* 'пиво второго или третьего слива' [ЛКТЭ] и 'обманщик, лгун, хвастун' [СРНГ, 33, 57].

О возможности совмещения обеих мотивировок — недостачи и обмана — как будто бы свидетельствует костр. *процельга* 'пиво второго или третьего слива' [ЛКТЭ] и 'мот, ветренный человек', 'обманщик, лгун, хвастун' [СРНГ, 33, 57] (примеры из статьи К. В. Осиповой [*в печати*]). Однако применительно к рассматриваемым деантропонимам подобное все же менее вероятно из-за географической разбросанности предполагаемых производящей основы (печор., смол.) и производного слова (ряз., влг., сарат.).

Подводя итог анализу *ивашко-(другón)*, *иванушка*, *иванец* в рамках антропонимической версии их происхождения, отметим комплексный характер мотивации, не позволяющий предпочесть какую-то одну из возможных мотивировок: формально-языковых (паронимическая аттракция, рифма) и связанных с реализацией присущих личному имени коннотаций (общей негативной оценки, «глупости» и «обмана»)⁸.

* * *

В заключение выскажем несколько общих замечаний о возможных причинах обращения к антропонимическому (и шире — антропологическому) коду при номинации хмельных напитков в народной культуре (да и не только в ней).

⁸ В отличие от преобладающих в народных говорах отрицательных характеристик, используемых для обозначения второсортного напитка, коммерческая ономастика обращается к тем сторонам языкового образа носителя имени, которые оцениваются скорее положительно (национально-культурная принадлежность и связанное с ней пристрастие к употреблению крепких напитков) и «работают» на адресата номинации — потенциального покупателя и потребителя этих напитков. Подробнее об этом см. [Горяев, Феоктистова, 2016].

Одной из причин, побуждающих говорящего прибегать к подобного рода эвфемистическим обозначениям, очевидно, являются существующие запреты на неритуальное (необрядовое) употребление алкогольных напитков⁹ и/или их низкое качество¹⁰.

В числе общих причин рассматриваемого способа номинации необходимо также указать анимистичность (и, как следствие, антропоморфность) восприятия реакций, происходящих в процессе приготовления напитков (брожение, кипение) и последующей их дегустации (чувство жжения, вызванное «крепостью» напитка), благодаря которым сами напитки наделяются свойствами живого существа (человека). Это, в частности, находит отражение в глагольных обозначениях «производимых» пивом действий, см. лит. *бродить* ‘заквашиваться’, костр. *ходить*, *гулять* ‘бродить (о пиве и т. п.)’ [ЛКТЭ], а также влг., арх. *жить* ‘то же’ [СВГ, 2, 89; СГРС, 3, 377] (причем последнее наиболее показательно).

Антропоморфизм, наблюдаемый в представлениях об алкогольных напитках и выражающийся в том числе в отантропонимической их номинации, может быть, кроме того, связан с ритуалом (ситуацией) их распития, предполагающем обязательное присутствие как минимум одного «собутельника» (при отсутствии такового его функции «делегированы» бутылке). См. выше один из контекстов к влг. *иванушко*: «Нальем на горшки-то и в третий раз да сделаем для всякого-то приходящего Иванушка».

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : МГУ : Наука, 1980—. Вып. 1—
Багриновский Г. Ю. Энциклопедический словарь спиртных напитков. М. : Астрель : АСТ, 2008.

---

⁹ Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Просителях»: «Живновский. У меня, значит, и в животе уж дрожки проехали — не мешало бы, знаете, выпить и закусить... А вы, чай, с *Настоем Ерофеевичем* тоже знакомы. Забиякин. У нас в полку его *Настасьей Ерофеевной* прозывали... как же-с, пью» [цит. по: Долгушев, 2002, 105; см. также: Багриновский, 2008, 549 (без указания источника)].

¹⁰ Е. Л. Березович и К. В. Осипова [2014] приводят примеры эвфемизации в народных говорах некачественной пищи — некрепкого чая (или чая без сахара / молока) и постного или «пустого» (без рыбы) супа. В данном случае за личным именем скрывается обобщенный образ неумелой хозяйки (см., например: *Какова Устинья, таково у ней ботвинья* [Даль, 1, 339], пск. *Какова Аксинья, такова и ботвинья* [Даль, 1, 339; СППП, 124]) либо незадачливого «повара» — крестьянина, чей рацион был скуден и незатейлив (арх. *устинья ботвинья* ‘жидкие щи’ [КСГРС], арх. *алькина (васькина, демьянова, егорова, улина) уха* ‘уха без рыбы, похлебка из крупы (картофеля, хлеба, сухарей, лука)’ [КАОС; КСГРС], арх. *демьянова уха* ‘грибной суп’, влг. *уха егорка* ‘то же’ [КСГРС] и под.). Выбор имен чаще всего случаен и объясняется только их принадлежностью представителям простого народа, хотя для некоторых не исключено и действие других факторов, системно-языковых (паронимическая аттракция, рифма: *Аксинья (Устинья) — ботвинья*) или культурно-языковых (связь с хронимом: *егорова уха — Егорьев день*) [Березович, Осипова, 2014, 229–232].

- Березович Е. Л., Осипова К. В.* «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014. № 1 (20). С. 218–239.
- БСРС — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1955).
- Демиденко Ю.* Что пили в старом Петербурге // ТЕОРИЯ МОДЫ. Одежда. Тело. Культура. № 22 (зима 2011–2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2348#sthash.0wxmtYni.druf>.
- Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
- Долгушев В. Г.* Анисовка и Ерофеич // Русская речь. 2002. № 2. С. 103–106.
- КАОС — картотека «Архангельского областного словаря» (хранится на кафедре русского языка МГУ).
- Качинская И. Б.* Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров) // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 83–85.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
- Некрылова А. Ф.* «На Ерофея один Ерофеич кровь греет» // Studia Ethnologica : тр. фак-та этнологии. Вып. 2 / под ред. А. К. Байбурина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2004. С. 166–174.
- Некрылова А. Ф.* Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб. : Азбука-классика, 2007.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1996–. Вып. 1–.
- Осипова К. В.* День с колобом, да два с голодом: крестьянская пища во времена голода (на материале севернорусской диалектной лексики) // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 122–136.
- Осипова К. В.* Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект. В печати.
- Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.
- Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2008.
- РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингв. словарь. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
- Родионова И. В.* Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I) // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 5 / под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 63–77.
- Рябушкина С. В.* Лекарь Ерофеич и зверобой — целитель ран // Русская речь. 2003. № 6. С. 108–112.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т : Русь, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* Русский Иван и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) // Acta onomastica. LVI. 2016. С. 76–92.

- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- Феоктистова Л. А., Горяев С. О.* Об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна ; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас : Интерконтакт, 2016. С. 380–384.
- ФСГНП — *Ставицина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.
- ФСПГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
- ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981–1991.

Рукопись поступила в редакцию 07.05.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские говоры	петерб.	петербургские говоры
влад.	владимирские говоры	печор.	печорские говоры
влг.	вологодские говоры	прикам.	прикамские говоры
ворон.	воронежские говоры	пск.	псковские говоры
вят.	вятские говоры	ряз.	рязанские говоры
карел. рус.	русские говоры на территории Республики Карелия	самар.	самарские говоры
костр.	костромские говоры	сарат.	саратовские говоры
курск.	курские говоры	свердл.	свердловские говоры
моск.	московские говоры	сев.	северные говоры
нижегор.	нижегородские говоры	сев.-рус.	севернорусские говоры
новг.	новгородские говоры	смол.	смоленские говоры
перм.	пермские говоры	твер.	тверские говоры
		яроsl.	ярославские говоры
Прочие			
без указ. м.	без указания места записи	простореч.	просторечное
общearг.	общearготическое	фольк.	фольклорное
общенар.	общенародное		

* * *

Феоктистова Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и общего
языкознания

Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306

научный сотрудник

Российский государственный

профессионально-педагогический

университет

620012, Екатеринбург,

ул. Машиностроителей, 11, комн. 2-309

E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna

PhD, Associate Professor, Department
of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University

51, Lenin av., office 306
620083, Ekaterinburg, Russia

Research Fellow

Russian State Vocational Pedagogical
University

11, Mashinostroiteley str., office 2-309

620012, Ekaterinburg, Russia

E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University,

Russian State Vocational Pedagogical University

Ekaterinburg, Russia

**ANTHROPONYMS IN RUSSIAN APPELLATIVE NAMES
FOR ALCOHOLIC DRINKS
(*yerofeich*, *yerokha*, *ivashko*, *ivanushko*, etc.)**

The article considers two groups of appellative names for alcoholic drinks, namely those derived from the personal names *Yerofey* (*yerofey*, *yerofeich*, etc. 'a kind of bitter infusion') and *Ivan* (*ivashko*, *ivanushko*, etc. 'mid-strength beer'). These may be either direct derivatives from personal names or secondary derivatives from appellatives or chrononyms. The paper gives a critical review of existing etymologies and suggests some corrections and additions. For *yerofeich*, there have been suggested two main etymologies: from the name of the drink's inventor (*Yerofey* or *Yerofeich*) or from the noun designating the primary good necessary for the drink to be made (dial. *yerofey* 'perforate St John's-wort, hypericum perforatum'), both vulnerable from the morphological point of view. The arguments in favour of derivation from the chrononym *Yerofeyev den* 'Yerofey's day' are refuted by the author for being untenable in both linguistic and cultural respects. Dial. *yerokha* 'a kind of infusion,' 'beer' may be associated with the appellative deanthroponymic noun *yerokha* 'bully, troublemaker,' probably with a certain impact of the common Russian *yerofeich*. For *ivashko*, *ivanushko*, and other similar words, it seems more reliable to trace them back not to the chrononym (*Ivanov den*), but directly to the personal name, such derivation could be motivated either by paronymic attraction (*pivo* — *ivanets* (*ivanushka*, *ivashka*), *brazhka* — *ivashka*) or connotations inherent in the name (e.g. *ivanushka* 'every man,' *ivanushka-durachok* 'a silly person'). In conclusion, the author

makes some general observations as to the use of anthroponymic (and, wider, anthropological) code for the naming of alcoholic drinks.

К е у о р д с: Russian folk dialects, anthroponyms, personal names, appellativization of proper names, deanthroponyms, deanthroponymic naming pattern, motivational analysis.

Acknowledgements

This work was supported by the *Russian Science Foundation* (project number 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”). The author is grateful to Valeria Kolosova (St Petersburg) and Ksenya Osipova (Ekaterinburg) for their help in preparation of this paper.

- Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Ju. A., & Osipova, K. V. (2014). *Russkii narodnyi kalendar': etnolingvističeskii slovar'* [Russian Folk Calendar: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS.
- Bagrinovsky, G. Yu. (2008). *Entsiklopedičeskii slovar' spirtnykh napitkov* [An Encyclopedic Dictionary of Alcoholic Drinks]. Moscow: Astrel: AST.
- Berezovich, E. L., & Osipova, K. V. (2014). “Chto edim, tak i zhist' zhivem”: pustoi sup i nekrepkii chai v zerkale iazyka [“We Live the Life as What we Eat”: Empty Soup and Weakish Tea in the Mirror of the Language]. *Antropologičeskii forum*, 1 (20), 218–239.
- Borisova, A. N., & Prokosheva, K. N. (Eds.). (2000–2002). *Slovar' permskih govorov* [A Dictionary of the Perm Dialects] (Vols. 1–2). Perm: Knizhnyj mir.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologičeskaia leksika Russkogo Severa* [The Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Dal, V. I. (1880–1882). *Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] (2nd ed.; vols. 1–4). Moscow; Saint Petersburg.
- Demidenko, Yu. (2011–2012). Chto pili v starom Peterburge [What They Drank in Old Petersburg]. *TEORIA MODY. Odezhda. Telo. Kultura*, 22. Retrieved from <http://www.nlobooks.ru/node/2348#sthash.0wxmYni.dpuf>.
- Dilaktorsky, A. P. (Auth.), Levichkin, A. N., & Myznikov, S. A. (Eds.). (2006). *Slovar' oblastnogo vologodskogo narečija. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.* [The Dictionary of the Vologda Regional Dialect. According to P. A. Dolaktorsky's Manuscript of 1902]. Saint Petersburg: Nauka.
- Dolgušev, V. G. (2002). Anisovka i Erofeich [Anisovka and Yerofeich]. *Russkaya rech*, 2, 103–106.
- Dolgušev, V. G., & Smetanina, Z. V. (Eds.). (1996–). *Oblastnoi slovar' viatskikh govorov* [The Regional Dictionary of the Dialects of the Vyatka River Area]. (Vols. 1–). Kirov: Izd-vo ViatGGU.
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assosiativno-derivatsionnoi semantiki ličnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13 (1), 85–116.
- Feoktistova, L. A., & Goryaev, S. O. (2016). Ob “Ivanakh” v naimenovaniikh alkogol'nykh napitkov [About Ivans in the Names of Alcoholic Drinks]. In L. A. Klimkova, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.* [The Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 15th International Conference] (pp. 380–384). Arzamas: Interkontakt.
- Filin F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of the Russian Popular Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad (Saint Petersburg): Nauka.
- Gerd, A. S. (Ed.). (1994–2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Territories]. (Vols. 1–6). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: MGU.

- Ivanova, A. I. (Ed.). (1974–2005). *Slovar' smolenskikh govorov* [A Dictionary of the Dialects of the Smolensk Region] (Vols. 1–11). Smolensk: SGPI (SGPU).
- Kachinskaya, I. B. (2005). Imia sobstvennoe kak narisatel'naia kharakteristika lichnosti (po materialam arkhangel'skikh govorov) [A Proper Name as an Appellative Characteristic of a Person]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk* [Onomastics within Human Sciences] (pp. 83–85). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of the Dialects of the Russian North] (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Melnichenko, G. G. (Ed.). (1981–1991). *Iaroslavskii oblastnoi slovar'* [The Yaroslavl Regional Dictionary]. (Vols. 1–10). Yaroslavl: Izd-vo Yarosl. gos. ped. in-ta.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2001). *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [A Dictionary of Proverbs of the Pskov Region]. Saint Petersburg: Norint.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [A Great Dictionary of Russian Popular Comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.
- Nekrylova, A. F. (2004). “Na Erofeia odin Erofeich krov' greet” [On Yerofey only Yerofeich Warms Heart]. In A. K. Bayburin (Ed.), *Studia Etnologica* (Iss. 2, pp. 166–174). St Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge.
- Nekrylova, A. F. (2007). *Russkii traditsionnyi kalendar' na kazhdyi den' i dlia kazhdogo doma* [Russian Folk Calendar for Everyday Use]. St Petersburg: Azbuka-klassika.
- Osipova, K. V. (2017). *Den' s kolobom, da dva s golodom: krest'ianskaia pishcha vo vremena goloda (na materiale severnorusskoi dialektnoi leksiki)* [Peasants' Food in Times of Famine (Based on North-Russian Dialectal Vocabulary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 122–136.
- Panikarovskaya, T. G. (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govorov* [A Dictionary of the Vologda Dialects]. (Vols. 1–12). Vologda: Vologod. gos. pedinstitut; Rus'.
- Preobrazhensky, A. (1959). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols 1–2). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i natsion. slovarei.
- Prokoshcheva, K. N. (2002). *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [A Phraseological Dictionary of the Perm Dialects]. Perm: Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta.
- Pyankova, K. V. (2008). *Leksika, oboznachaiushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoi iazykovo-traditsii: etnolingvistikheskii aspekt* [Words Designating Characteristics of Food in the Russian Language Tradition: An Ethnolinguistic Aspect] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Riabushkina, S. V. (2003). Lekar' Erofeich i zveroboi — tselitel' ran [Healer Yerofeich and Hypericum Salving Wounds]. *Russkaya rech*, 6, 108–112.
- Rodionova, I. V. (2004a). Glagoly s antroponimicheskoi kornevoi morfemoi v russkikh narodnykh govorakh (I) [Verbs with an Anthroponymic Stem in Russian Dialects]. In M. E. Rut, L. A. Feoktistova (Eds.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialectal Lexis] (pp. 63–77). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Sorokin, Yu. S. (Ed.). (1984–). *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [The Dictionary of the 18th Century Russian Language] (Vols. 1–). Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2015). Russkii Ivan i ego «brat'ia»: pol'sk. Jan i fr. Jean (k voprosu ob etnokul'turnoi spetsifike lichnogo imeni) [Russian Ivan and his ‘Brothers’: Polish Jan and French Jean (Notes on the Ethno-Cultural Specificity of Personal Names)]. *Acta onomastica*, 56, 76–92.
- Stavshina, N. A. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [A Phraseological Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Area]. (Vols. 1–2). Saint Petersburg: Nauka.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.